

Т. В. РОЖДЕСТВЕНСКАЯ

«О, тому умети грамоте!..»

(надписи с именем «*Путила*» в Георгиевском соборе
новгородского Юрьева монастыря)*

Не вызывает сомнения тот факт, что бытовая письменная коммуникация в Древней Руси уже с первых десятилетий распространения письменной культуры стала явлением повседневности.¹ Увеличивающийся с каждым годом фонд берестяных грамот красноречиво свидетельствует об этом. Как справедливо замечает А. А. Гиппиус, «сообщение фактов, за редкими исключениями, не было для авторов берестяных писем самоцелью; оно осуществлялось лишь постольку, поскольку было необходимо для выполнения соответствующих речевых установок: просьбы, распоряжения, упрека, угрозы, самооправдания и т. д. Об отраженной грамотой жизненной ситуации мы судим поэтому чаще всего на основании косвенных указаний, содержащихся в этих ненарративных элементах текста».² В отличие от берестяных грамот, всегда имеющих конкретного адресата или адресатов, надписи-граффити, делавшиеся на стенах храмов прихожанами или клиром и тоже относящиеся в целом к повседневной приходской практике, обращены к Богу или святым, к «вечности». Тем не менее и среди общего фонда таких надписей имеется несколько, адресованных не только к потенциальному читателю (что, конечно, отличает их от берестяных писем), но и к конкретным персонажам, обладающим общим для них и автора фоновым знанием. При этом важной коммуникативной составляющей таких надписей является их эмоциональная нагруженность. Таковы несколько надписей из киевского Софийского собора, изданные С. А. Высоцким, но заново прочитанные и прокомментированные А. А. Зализняком: № 210 первой половины XIII в.; № 303 и № 304 второй половины XII в.—первой трети XIII в.; № 175 XIII в.³ В первой из них речь идет о краже ковша. Автор сообщает, что некий Кузьма оказался вором, а его, Кузьмы, собственный ковш находится у Симона. «Вся эта инвектива, — замечает А. А. Зализняк, — по-видимому,

* Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ (№ 04-06-80180).

¹ *Медынцева А. А.* Грамотность в Древней Руси: По памятникам эпиграфики X—первой половины XIII века. М., 2000; *Рождественская Т. В.* (рец.) // *Russian Linguistics*. 2002. N 26. С. 395—405.

² *Гиппиус А. А.* К прагматике и коммуникативной организации берестяных грамот // *Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А.* Новгородские грамоты на бересте: (Из раскопок 1997—2000 гг.). М., 2004. Т. 11. С. 183.

³ *Зализняк А. А.* К изучению древнерусских надписей // Там же. С. 249—253.

носит, по крайней мере отчасти, шуточный, иронический характер».⁴ Остальные 3 надписи начинаются с обращения «О Господи», выступающего здесь, скорее, в роли междометия.⁵ Несмотря на то что каждая из упоминаемых надписей вызвана к жизни конкретной, подчас нестандартной житейской ситуацией и имеет в виду вполне реального адресата, в конечном счете у всех них, написанных в храме, имеется общий, главный читатель. Поэтому, располагая текст на стене храма и обращаясь «urbi et orbi», авторы таких надписей тем не менее надеются на покаяние и прощение.

Один из текстов подобного нестандартного содержания, который и стал предметом нашего внимания, был обнаружен в 1980-е гг. в Георгиевском соборе Юрьева монастыря в Новгороде.

Каменный Георгиевский собор был заложен, согласно летописным известиям, князем Всеволодом-Гавриилом Мстиславичем и игуменом Кирияком в 1119 г.⁶ Новгородская третья летопись называет и имя мастера: «... а мастеръ трудился Петръ».⁷ Строительство собора завершилось, как предполагают, в начале 20-х гг. XII в., а в XIX—XX вв. собор неоднократно подвергался ремонту. В 1933—1936 гг. в нем проводились реставрационные работы и параллельно с ними археологические исследования М. К. Каргера.⁸ В 1970—1980-е гг. в результате исследований остатков древней живописи (Г. С. Батхель, В. Д. Сарабьянов) в лестничной башне собора были вскрыты участки древней штукатурки, на многих из которых обнаружены рисунки и надписи-граффити.⁹ Большинство из них датируется XII—XIII вв. и представляет собой обычные для настенных надписей формулы «имярек писал» и «Господи, помози рабу своему имярек»: **Фока џалъ грѣшенъ тать погребѣнъи; Саватиа џ грѣшенъ пачь всѣхъ чльвѣко; Кирикъ џлъ грѣшенъи; Моисее џ поповце; Фодосъ пьсало...** и т. п.¹⁰ При выходе на площадку, ведущую на хоры, расположена надпись первой трети XII в. «летописного» характера. В ней говорится о посещении собора на Федоров день князем Мстиславом: **коназь бѣлы на Фѣд(о)рово днь Мьстисласво.**¹¹ Речь идет, по-видимому, о князе Мстиславе Владимировиче, сыне Владимира Мономаха. В 1987 г. на стене башни был также обнаружен фрагмент кириллической надписи того же времени с именами Созонта и Сергия, в последней строке которой имеются три глаголические буквы.¹² Еще одна надпись, палеографически датирующаяся

⁴ Там же. С. 249.

⁵ Там же. С. 250.

⁶ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 21: «Въ лѣто 6627. Заложѣ Кюрьякъ игумень и князь Всѣволодь церковь камяну манастырь святаго Георгия Новѣгородѣ». См. также с. 205.

⁷ ПСРЛ. СПб., 1841. Т. 3. С. 214.

⁸ *Раппопорт П. А.* Русская архитектура X—XIII вв.: Каталог памятников. Л., 1982. С. 73.

⁹ *Рождественская Т. В.* Древнерусские надписи на стенах храмов: Новые источники XI—XV вв. СПб., 1992. С. 48—72.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 59 — 62.

¹² Там же. С. 52—53; *Рождественская Т. В.* Надписи с глаголическими буквами из Георгиевского собора Юрьева монастыря в Новгороде // *Slavia Orthodoxa. Език и култура*: Сб. в чест на проф. д-н Румяна Павлова. София, 2003. С. 338—345.

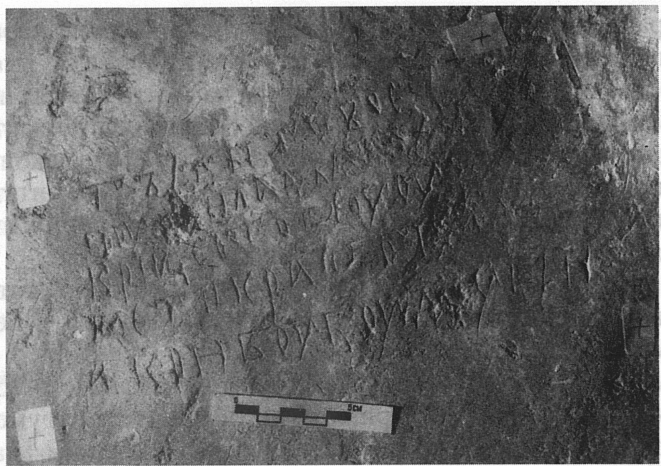

Рис. 1. Надпись № 1. Общий вид.

XIII в., читается на стене верхней площадки башни с сохранившимися в световых проемах фрагментами росписей. Она процарапана по нижнему контуру фрескового слоя, на уровне человеческого роста: **҃и помози равоу своему снови... богат(о)моу гр(ѣ)хы стипаничоу Убогы коунами** (Господи, помоги рабу своему Снови(ду), богат(о)му грехы Степаничу. Убог кунами). Преобразуя повторяющуюся в надписях покаянную формулу «богатый грехами, убогий добрыми делами»¹³ и прибегая к приемам языковой игры, некто Сновид Степанич жалуется на бедность, сообщая, что он лишен денег («убог кунами»)¹⁴.

Рассмотрим одну из надписей, расположенную на поверхности круглого лестничного столба (рис. 1, надпись № 1). Она состоит из 5 строк и сохранилась почти полностью, за исключением небольших выбоин в стене, из-за которых утрачены элементы некоторых букв, в том числе конечные буквы второй и четвертой строк. Воспроизводим текст без словоделения:

**тѣти(ж?)ивоє
поу...иладьак...
кри...еотомоуоу
метикрамот...
акривоубоудоуци**

Как справа, так и слева от надписи на стене нет никаких следов других букв. В надписи буквы четкие, в последней строке они больше, чем в других. Строки идут с легким наклоном вверх вправо, что вполне объяснимо местонахождением писавшего — на ступеньках каменной лестницы.

¹³ См., например, надпись № 24 из киевского Софийского собора «Михаль оубогы а грѣх(ы) богатыи фль ҃и помози емъ» (Зализняк А. А. К изучению древнерусских надписей. С. 281—282).

¹⁴ Рождественская Т. В. Древнерусские надписи. С. 69—71. Исправляем предложенное в этой публикации чтение «Енови...» на «Снови...».

Палеография. В первой строке крышка *т*, отросток спинки *ь* и верхняя часть пятой в этом ряду буквы, поврежденной выбоиной, украшены треугольничками. *Т* с перекадиной с такими треугольными отростками на концах использована во всей надписи. Форма пятой буквы вообще нестандартна — нижняя ее часть «паукообразна», с загибающимися внутрь, как бы сломанными ножками, напоминающими нижнюю часть буквы *д*. Однако отсутствует формообразующая в *д* нижняя горизонтальная основа. Поэтому склоняемся к тому, что так написана буква *ж*.

Буквы первой строки выцарапаны с особой тщательностью, насколько это было возможно по округлой стене башни, и несут на себе печать декоративности. Четвертую букву можно интерпретировать двояко — либо как *и* с «соскочившей» вниз (из-за неровной поверхности стены) перекадиной, либо как *ы* с *ь* в качестве первого элемента, поскольку левая часть деформированной перекадины создает впечатление слабо прочерченного кузова *ь*. В этом случае *ты* — местоимение и начало первой фразы представляет собой обращение к кому-то автора: *ть ты* (вот ты). Однако более надежным представляется первый вариант, как с точки зрения палеографии (*ы* с *ь* получает широкое распространение в русской письменности со второй половины XIV в.), так и потому, что начало текста с местоимением *ть* и частицей *ти* вполне закономерно для древнерусского синтаксиса. Третья буква второй строки выбита, но восстанавливается по смыслу — это, скорее всего, *т*: начальное слово этой строки — *Поутила*. Интересна форма буквы *к*, в которой правая и левая части не соединены, а в четвертой строке в слове *кратот(б)* правая часть представлена в виде дуги. Подобные ИС-образные начертания *к* отмечены в берестяных грамотах начиная с 20-х гг. XIII в.¹⁵ *Р* — с узкой овальной незамкнутой головкой, *м* — с горизонтальными «плечиками» и опущенной закругленной серединой. Элементы диграфа *оу* равновелики, *у* имеет длинный отросток справа, *ц* — с коротким хвостом и широкой, почти квадратной основной частью целиком уместается в строке, буквы *а*, *д* — с горизонтальными покрытиями, что также находит соответствия в палеографии берестяных грамот, в основном середины—второй половины XIII в.¹⁶ Верхняя часть буквы *в* больше нижней (особенно в первой строке), петли соприкасаются друг с другом.

В конце второй строки частично сохранилась буква *к*, после нее на поврежденном месте, скорее всего, была буква *ъ* (*дълкъ*). В начале второй строки после *и* на месте выбоины восстанавливается *в* и по еле различным фрагментам петель, и по аналогии со словом *криве*, прекрасно видимом в последней, пятой строке. В конце четвертой строки после *т* видны следы еще одной буквы. Поверхность стены повреждена, но при разных режимах освещения на сканировке видна верхняя часть мачты и правая часть коромысла буквы *б*. Последнее слово в этой строке — *кратотб*. По совокупности палеографических характеристик можно датировать эту надпись в пределах середины—второй половины XIII в.

¹⁵ Зализняк А. А. Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование // Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1990—1996 годов. М., 2000. Т. 10. С. 172—173, табл. 12.

¹⁶ Зализняк А. А. Палеография берестяных грамот... С. 190—191, табл. 22; с. 200—201, табл. 28.

Орфография. Конечная буква первой строки — *e*, первая строка читается *тъ ти живоѡе*. Если считать слово «живое» полной формой именительного падежа прилагательного мужского рода, то здесь *e = u*. Такие написания в окончаниях прилагательных известны в грамоте XII в. из Звенигорода Галицкого и в берестяных грамотах более позднего времени.¹⁷ Но возможно и иное словоделение, предложенное А. А. Гиппиусом: *живо e*, где *живо* — краткое прил. *жив* (*ѣ = o*), а *e* — *есть* (3-е л. Praes.) или *еси* (2-е л. Praes.)¹⁸ «жив есть» или «жив еси». В инфинитиве «оумети» *e = ѣ*, при сохранении исконной *ѣ* в слове «кратотѣ». Форма несклоняемого причастия презенса *боудоуци*¹⁹ отражает цоканье. Примечательна редкая форма *кратотѣ* с начальным *к*. В древнерусских текстах такая форма встречается в однокоренных «кратотикия» и «крататикъ». Форма «кратотикія» документирована единичным примером в Житии Феодора Студита: «и абие приѣмъ кратотикию. ею же съвѣдати Елинъскыи іазыкъ».²⁰ Слово «крататикъ» представлено в болгарской надписи XIII в. из округа Варны, вырезанной на каменном блоке «азъ хинать крататикъ...»,²¹ где форма *к* абсолютно сходна с формой в георгиевской надписи: левая часть в виде полуовала не смыкается с правой и выглядит как сочетание ІС. Как показывает надпись № 1, написание слов с основой *грамат-/грамот-* с начальным *к* было, по-видимому, факкультативным не только в южнославянской эпиграфике (ср., например, надпись-граффити в церкви скального монастыря в с. Иваново, Болгария: «азъ Иво граматикъ писа сиіа слова...», XIV в.)²² и в письменности в целом, но и в древнерусских текстах. Палеографическая датировка надписи серединой—второй половиной XIII в. может быть поддержана и орфографией (*e = ѣ* в «оумети») и грамматикой (нарушение согласования причастия в роде: «кривоу боудоуци»).

В результате предлагаем следующее чтение:²³

тъ ти (ж)иво е поу(т)ила дѣак(ѣ) кри(в)е о томоу оумети кратот(ѣ) а кривоу боудоуци

Перевод: Вот ведь жив (или: ты жив) Путила, дѣак кривой! О, он владеет грамотой, (даже) будучи калекой (кривым)!

Текст состоит из двух фраз. Конструкция *тъ/то ти* в начальной позиции (вот ведь, вот же) с частицей *ти* в усилительном значении известна

¹⁷ Там же. С. 291—292: в род. пад. ед. ч. жен. рода Ѡ Говеновое; с. 54: примеры только в имени собств. «Ортимие» (первая половина XIV в., № 325), Сѣргиѣ (конец XIV в., № 131), где конечный *ѣ = e*.

¹⁸ Формы 3-го л. ед. ч. Praes. *e* от глагола быти зафиксированы берестяными грамотами 705, 709, 815, 936 (конец XII—первая половина XIII в.) (*Зализняк А. А. Древненовгородский диалект*. 2-е изд., перераб. с учетом материала находок 1995—2003 гг. М., 2004. С. 422, 479, 455, 408).

¹⁹ Такие несклоняемые причастия, изменяющиеся лишь по родам и числам, А. А. Зализняк называет «согласуемые причастия» (*Зализняк А. А. Древненовгородский диалект*. С. 134).

²⁰ *Срезневский И. И.* Материалы для Словаря древнерусского языка. СПб., 1893. Т. 1. Стб. 584.

²¹ *Popkonstantinov K., Kronsteiner O.* Старобългарски надписи *Altbulgarische Inschriften*. 2 // *Die Slawischen Sprachen*. Wien, 1997. Bd 52. С. 91—92.

²² Там же. С. 67—68.

²³ В круглых скобках обозначаются буквы как сохранившиеся фрагментарно, так и восстанавливающиеся по смыслу.

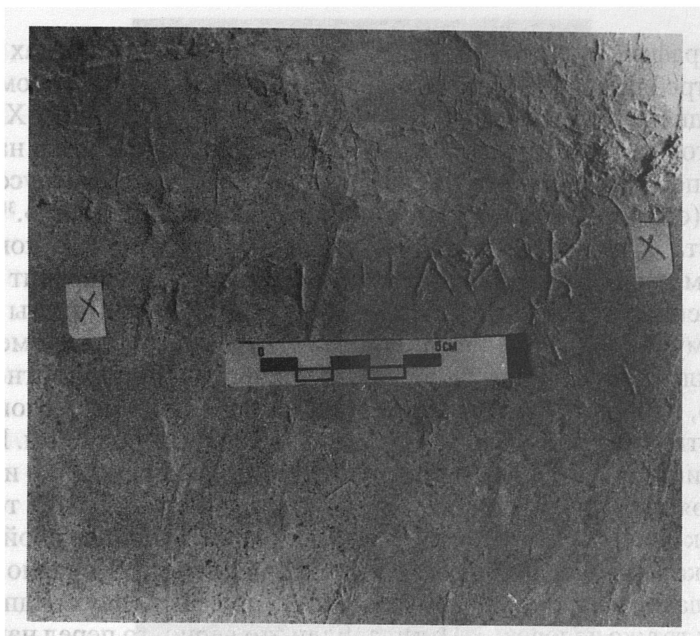

Рис. 2. Надпись № 2. «Путила писал».

в берестяных грамотах XI—XIII вв.²⁴ Вся фраза — констатация того факта, что искалеченный дьяк Путила жив. Вторая фраза, начинающаяся с эмфатического «О!», представляет собой инфинитивную конструкцию с дат. пад.: «О, ему умети грамоте...», осложненную несклоняемым и несогласованным в роде причастием «будуци». Главное предложение здесь соединено с постпозитивной причастной конструкцией при помощи сочинительного союза *a*, данная функция которого засвидетельствована в берестяных грамотах раннего периода.²⁵ Эта фраза, таким образом, предстает в виде сложноподчиненного предложения, включающего конструкцию «дательный самостоятельный», синтаксическая позиция которой как бы перевернута относительно основного предложения. В сочетании с «О!» эта конструкция приобретает особую выразительность. Если же рассматривать первую фразу как обращение к дьяку Путиле (если считать *e* формой не 3-го, а 2-го лица), то во второй фразе происходит смена адресата. Теперь автор, дав оценку Путиле, обращается к другим — к своим потенциальным читателям, вовлеченным в ситуативный контекст.

Личное имя *Путила*, а также имена от основы *Пут-* (Путята, Путьша) хорошо документируются древнерусскими источниками, в том числе берестяными грамотами (с вариантом *Путиль*).²⁶ В той же лестничной башне на арке свода, при выходе на лестничную площадку, ведущую на хоры, есть еще одна надпись с именем *Путила*: *ПѸтила Ѱть* (Путила писал)²⁷ с красивой лигатурой *Ѱ* и *ть* (рис. 2, надпись № 2). Автор использовал *Ѹ*, которая в

²⁴ Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. С. 196—197.

²⁵ Там же. С. 191, 193.

²⁶ Там же. С. 789.

²⁷ Рождественская Т. В. Древнерусские надписи. С. 63.

надписях-граффити встречается редко.²⁸ В берестяных грамотах эта буква, хотя и употребляется в ранний период для передачи у, в основном после согласных, однако начинает активно использоваться с середины XIII в.,²⁹ несмотря на то, что, по наблюдению М. Г. Гальченко, «лигатура Ѹ на протяжении XIII—первой половины XIV в. почти исчезает из древнерусской письменности (она изредка встречается лишь на конце строк)».³⁰ Видимо, Путила, оставивший свой автограф, проявил определенную консервативность письменных навыков. Общий облик букв не противоречит датировке этой надписи в пределах XIII в. Таким образом, автограф Путилы можно отнести к тому же времени, что и надпись № 1. Может быть, именно этого дьяка Путилу и имел в виду автор, особо подчеркнув его грамотность? Действительно, использование Путилой изысканной лигатуры в слове «писал» свидетельствует о его хорошем знакомстве с книжным письмом. По сравнению с другими буквами надписи эта лигатура прочерчена четко и уверенно. Путила проявил особую старательность, вполне объяснимую в том случае, если он, как говорится в надписи № 1, был «крив». Оставив свой автограф, Путила показал на деле владение культурой письма. Конечно, было бы весьма соблазнительно предположить, что персонажем двух надписей является один и тот же человек — Путила. Если это верно, то перед нами замечательный «диалог» двух текстов. Впрочем, это не более, чем предположение.

Итак, из надписи мы узнаем, что дьяк Путила, названный своим мирским именем, был «крив». Как же понимать эту характеристику? В древнерусском языке слова с корнем *крив-* имеют широкий спектр значений — от «непрямой, искривленный»: «бѣше же злооуст(ъ). кривъ же тѣломь. кривъ ризами» (Прол. Юр. XIV);³¹ «оть кривои ели в прямъ на трубу въ Шалурику въ Унои порогъ» (1391),³² — до связанных с представлениями об ошибочности, несправедливости, греховности, неправедности, неверности, об отклонении от правого (справедливого) пути, направления и т. п.: «не ходѣше поуѣм кривым, но правым» (Хронограф 1494); «ни права, ни крива не оубивайте» (Поучение Владимира Мономаха); «да аще кѣто ѿ Руси или ѿ Грекъ створи криво, да правлѣть то» (Договор Игоря 945 г.).³³ «Криво» (неаккуратно, плохо, с ошибками, неровно, некрасиво по отношению к написанному), «кривъ, кривыи» (дурной, грешный) постоянно встречаются в записях писцов рукописей в составе покаянных формул: «избѣрано из мьногъ книгъ кнаж(ихъ) иде же криво братиѣ исправивше чѣтѣте» (Изб.

²⁸ См. трижды после согласных в надписи № 68 из киевского Софийского собора, которую С. А. Высоцкий датирует XIV в. (*Высоцкий С. А. Древнерусские надписи Софии Киевской XI—XIV вв.* Киев, 1966. Вып. 1. С. 105, LXIII, LXIV).

²⁹ Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997—1983 гг.). М., 1986. С. 99.

³⁰ Гальченко М. Г. Второе южнославянское влияние в древнерусской книжности: (Графико-орфографические признаки второго южнославянского влияния и хронология их появления в древнерусских рукописях конца XIV—первой половины XV в.) // Гальченко М. Г. Книжная культура. Книгописание. Надписи на иконах Древней Руси: Избранные работы. М.; СПб., 2001. С. 346—347 (Тр. Центрального музея древнерусской культуры и искусства имени Андрея Рублева. Т. 1).

³¹ Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.). М., 1991. Т. 4. С. 296.

³² Срезневский И. И. Материалы... Т. 1. Стб. 1321.

³³ Там же. Стб. 1321—1322.

Рис. 3. Изображение ладьи и крестов.

1076 г.); «Путата пьсаль. да че криво да исправите а не кльните» (Мин. Пут. XI в.); «ачи где боудеть поматено. или криво написано... то. в(с)е га исправаче чтить. а не клинить» (Апостол 1309—1312).³⁴

Однако в контексте надписи «кривизна» дьяка Путилы связана, скорее всего, не с его моральным обликом или недостойным поступком, а с его физическим недостатком, ведь автор подчеркивает, что Путила жив! По-видимому, речь идет об увечье, которое дьяк получил в результате каких-то событий, возможно грозивших ему гибелью, — несчастного случая, драки, сурового физического наказания. В современном просторечии и диалектной речи «кривой» — это «хромой» или «безногий», а также «слепой на один глаз», «безрукий» или просто «согбенный», «скрюченный». ³⁵ Поскольку увечье Путилы явно препятствовало полноценному чтению или письму, допускаю, что он или потерял глаз, или повредил руку и, очевидно, правую. Однако не исключено, что все было и не так драматично. Путила мог быть калекой от рождения или «окриветь», «согнуться» к старости вследствие заболевания позвоночника. А замечание о том, что Путила жив, несмотря на

³⁴ Словарь древнерусского языка (XI—XIV вв.). Т. 4. С. 295—296.

³⁵ «Кривой — 1. Хромой (Великолук., Опоч., Пск., Смол., Калуж., Ряз.) // Словарь русских народных говоров. Вып. 15: Кортусы—Куделюшки. Л., 1979; «храмба называју кр'ивым» (гдовск.), «кр'ивѡ называл'и кол'и хромала жншына» (гдовск.); а также «слепой на один глаз», «без руки или ноги» (Картотека Псковского областного словаря с историческими данными (Межкафедральный словарный кабинет им. Б. А. Ларина, филол. ф-т СПбГУ)). См. также в Словаре В. И. Даля: «одноглазый, слепой на один глаз; хромой, колченогий» (*Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.; М., 1881. Т. 2. С. 196).

немошь, может свидетельствовать и о его весьма почтенном возрасте. При этом, «будучи криву», он не потерял способности к «грамоте», что и вызвало неподдельное удивление и даже восхищение (а, может быть, напротив, — досаду?) автора этой эмоциональной надписи.

Итак, автор надписи удивлен не столько тем, что искалеченный дьяк Путила в принципе владеет грамотой — для автора в этом нет ничего необычного, а тем, что, плохо видя или плохо владея рукой, он продолжает не только читать, но, по-видимому, и писать, т. е. не утратил свои письменные навыки.

Укорененность грамотности и письменной культуры в монашеской среде новгородского Юрьева монастыря и его прихожан засвидетельствована многими граффити на стенах башни Георгиевского собора — не только надписями, в том числе автографами, но и рисунками, воспроизводящими элементы книжных орнаментов, фигур фантастических птиц (павлинов?), человеческих лиц, многочисленных крестов, парусных ладей (рис. 3).³⁶ Калека дьяк Путила — один из многих, владевших этим ценным в духовной среде ремеслом и не утратившим его в житейских драматических обстоятельствах. Вот эта стойкость духа и поразила безымянного автора надписи.

Надписи-граффити XIII в. с именем Путилы на стене новгородского Георгиевского собора лишний раз напоминают об определяющей роли в истории русской средневековой культуры грамоты, письменного слова, мастерства «книжных списателей».³⁷

³⁶ *Рождественская Т. В.* 1) Древнерусские надписи. С. 71—72; 2) Рисунки-граффити на стенах древнерусских храмов // Рисунки писателей: Сб. научных статей: По материалам конф. «Рисунки петербургских писателей». СПб., 2000. С. 413, рис. 10; с. 415, рис. 11.

³⁷ В июле 2007 г., когда статья уже находилась в печати, мы обсуждали текст этой надписи с А. А. Гиппиусом и А. А. Зализняком. А. А. Гиппиус предложил читать 5-ю букву первой строки не как ж, а как д, переделанную из т, что было проверено нами *in situ*. Видимо, под влиянием предыдущих двух букв т автор по инерции начал снова писать эту букву, о чем свидетельствует горизонтальная крышка с двумя треугольниками на концах. Но затем он дополнил ее справа и слева таким образом, чтобы нижняя часть была действительно сходна с д. Соответственно первая часть надписи может читаться иначе, чем предложено нами: «Вот ведь диво — Путила дьяк кривой!», а надпись в целом, по мнению А. А. Гиппиуса, поддержанному А. А. Зализняком, следует рассматривать как обращение Путилы к самому себе.